

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ
PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

УДК 167:378 (437.6)
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-4-401-409>

Поступила в редакцию 29.01.2020
Received 29.01.2020

Д. А. Смоляков

*Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
Белорусско-китайский исследовательский центр философии и культуры
Линнаньского педагогического университета, Чжэньцзян, Китай*

**ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
В ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ**

Аннотация. Интернационализация высшего образования – современный феномен, отличающийся от прежних международных взаимодействий в академической сфере. Его уникальность во многом обусловлена сменой эпох мирового развития, когда на смену мировому империализму пришел многополярный мир конца XX в. Соответственно, интернационализация высшего образования требует нового теоретического обоснования, свободного от рудиментов прежних теорий, функционировавших в категориях внешнего влияния, и внутренней унификации (культуры, языка, политической нации и т. д.). Новая теория должна отображать интеграционные тренды во взаимодействии национальных субъектов, на фоне которых происходят институциональные изменения в высшем образовании.

Ключевые слова: интернационализация высшего образования, философия образования, империализм, колониализм, интеграция высшей школы

Для цитирования: Смоляков, Д. А. Интернационализация высшего образования в философско-исторической перспективе / Д. А. Смоляков // Вест. Нац. акад. наук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2020. – Т. 65, № 4. – С. 401–409. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-4-401-409>

Dzmitry A. Smaliakou

*Institute of Philosophy of the National Academy of Science of Belarus, Minsk, Belarus
Belarusian-Chinese Research Center for Philosophy and Culture of Lingnan Normal University, Zhanjiang, China*

**INTERNATIONALIZATION OF HIGHER EDUCATION IN A PHILOSOPHICAL
AND HISTORICAL PERSPECTIVE**

Abstract. Internationalization of higher education is a modern phenomenon that differs from all previous international cooperation in educational sphere. Its uniqueness largely depends to the change of epochs, from imperialism to multipolar world of the end of 20th century. Mentioned changing requires the new theoretical rationales of the internationalization of higher education, free from the rudiments of previous theories that have been functioned in categories of external influence, and internal unification (cultural, lingual, political etc.). The new theory should reflect integrational trends in global cooperation, that effects on institutional changes in higher education.

Keywords: internationalization of higher education, philosophy of education, globalization, imperialism, colonialism, integration of higher school

For citation: Smaliakou D. A. Internationalization of higher education in a philosophical and historical perspective. *Vesti Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2020, vol. 65, no. 4, pp. 401–409 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-4-401-409>

Постановка проблемы. Современное высшее образование невозможно представить без международного сотрудничества. За последние 30 лет из спорадической «люксовой» практики эта деятельность институировалась в необходимый элемент академической жизни, который ис-

следуется как философами, так и практиками образования. Одновременно сформировалась соответствующая теория, которая из многообразия международного измерения современного университета выделила интернационализацию высшего образования.

Интернационализацию нельзя назвать набором разрозненных практик в области международного академического сотрудничества. Это целенаправленная деятельность, обладающая собственными, официально установленными механизмами и инструментами. Многие ученые подчеркивают, что это новое явление, которого прежде никогда не было в истории. В таком случае, какова его уникальность? И в чем отличие от предыдущих эпох?

Безусловно, упомянутый тезис можно и нужно обсуждать, но вместе с тем очевидно то, что мир за последние 30 лет сильно изменился как политически, так и экономически. Если раньше субъекты международной политики сражались за территорию, ресурсы или рынки сбыта, то сейчас конкурируют за наиболее талантливых, образованных и креативных людей, способных функционировать в различных условиях производства. В этом смысле интернационализация высшего образования может быть рассмотрена как «симптом времени», то необходимое современному миру явление, которое возникло, поскольку не могло не возникнуть в имеющихся условиях и при имеющихся запросах. Именно поэтому представляется важным рассмотреть международное академическое сотрудничество в исторической перспективе, с помощью философского аппарата отметить те концептуальные различия эпох, которые могут пролить свет на сущность и природу современных социально-политических процессов, а вместе с тем позволят лучше понять актуальное развитие высшей школы в глобальном масштабе.

Историческая перспектива развития международных академических связей. Водораздел между интернационализацией высшего образования и его международной составляющей в научной литературе часто связывают с появлением национального государства, то есть такой его формы, где государственная власть опирается на политическую нацию, реализуя свои управленческие функции в том числе в сфере высшего образования [1]. В качестве периода разделения европейского образования на донациональное и национальное часто указывается кризис университетов конца XVIII в., вызванный перестроением социальной жизни общества, выразившимся в ослаблении церкви и возвышении государства. Появление национального государства, однако, было необходимой, но недостаточной причиной для возникновения интернационализации высшего образования. Для этого потребовалось более 200 лет эволюции национального государства в его взаимоотношении с внешними и внутренними вызовами.

Та часто замечаемая международная составляющая высшего образования [2], которая характеризовала донациональные эпохи, основывалась на глобальности церкви, в особенности католицизма, в своей деятельности исходящего из понимания христианской религии как инструмента построения универсальной человеческой общности. Эта церковная универсальность в новом мире доминирования государственных институтов оказалась избыточной как в свете научно-технической революции, так и с точки зрения контроля над обществом в целом. К началу XIX в. государство в Европе успешно национализировало церковные системы высшего образования, целиком подчинив их целям построения национальных империй, где религия, наравне с языком и культурой, выступала одной из опций построения политической нации. Несмотря на это религиозные организации продолжили свою миссионерскую деятельность в иноземных объектах европейского империализма. Оставив государству территорию метрополии, церковь заключила с ним союз, «неся цивилизацию» в колонии.

Уже к началу XIX в. в университетах происходит окончательное замещение религиозной повестки национальной, клир уходит в тень государственной бюрократии, христианство вытесняется идеологией. Описанные изменения ловко улавливает Гегель, когда обращается к той чувственности, которую называет духом своего времени (*Geist seiner Zeit*). Воцарение идеологии не только разрушило былую универсальность, увязав ее с конкретной эпохой, но и отделило эпохи от биографий государственных правителей, связав дух времени с государственной политикой, контекст которой и стал своего рода новой универсальностью.

Универсальность отныне сменялась вместе с эпохой, а каждая эпоха уже жила в соответствии со своей универсальностью или духом. Эта новая реальность представлялась дальнейшим

совершенствованием духовной жизни общества, воплощающим «действительную способность к изменению, и притом к лучшему – стремлению к улучшению» [3, с. 103]. В итоге, как в сфере образования, так и в государстве идеология стала новым этапом секуляризации, одним из элементов формирования национального государства, отодвигающего в свою тень некогда доминирующую церковь.

Обращаясь непосредственно к понятию «улучшения», стоит отметить не революционный, но эволюционный его характер. Следовательно, схоластика не заменялась, но перерождалась в естественнонаучную методологию, клир – в государственную бюрократию, а религия – в идеологию. «Улучшилось» и само понимание универсального: церковная империя эволюционировала в империю национальную, где европейский империализм обретал собственную глобальную универсальность за счет экспансии, превращая свое национальное содержание в международный контекст.

Гегель представлял себе возвышение идеологии как элемент прогресса, реализованного в форме изменчивости, противопоставляя его приоритету стабильности католицизма эпохи контрреформации. Маркс и Энгельс уловили эти изменения более функционально, объяснив идеологию производением правящего класса, которое «главным источником своего пропитания» имеет «разработку иллюзий этого класса о самом себе» [4, с. 46]. Поскольку отныне идеология эффективно объясняла господство любого правящего класса вне сословной принадлежности, можно говорить об утрате в этот период традиционной связи знати и клира, меча и религии.

Рассматривая истоки империализма, Х. Арндт отмечала, что он «родился тогда, когда господствующий в капиталистическом производстве класс натолкнулся на национальные преграды своей экономической экспансии» [5, с. 188]. Все, что раньше способствовало преодолению клерикальной структуры управления духовной жизнью общества, теперь вело «к провинциальному невежеству» [5, с. 188]. Национальные рамки, выполнив свою функцию консолидации силы, теперь сдерживали её, не давая выплеснуться за свои тесные пределы.

Если в национальных границах господствующий класс оставался размежеван со всеми иными, то империализм преодолевал этот разрыв, уравнивая в колониях всех представителей метрополии. Такая эмансипация происходила по той причине, что излишние капитал и рабочая сила в ходе европейской экспансии смешивались друг с другом, обретая нового «другого» в лице аборигенных народов. Освобождаясь таким образом от оков неравенства, «толпа и буржуазия» становились едиными, рабочие и крестьяне примеряли на себя роль империалистов, а за ними следовали либералы [5, с. 219–223].

Внутреннее единство империи обреталось через сохранение прав и институтов метрополии в колониях [6]. Язык и культура завоевателя объявлялись более ценными, чем локальные аналоги. Одновременно язык и культура метрополии лишались своей национальной частности, именно в колониях обретая столь желанную универсальность. В отмеченном контексте империализм не просто завоевывал коренное население, но просвещал его, неся цивилизацию, культуру, образование и т. д. [7].

Воспитание аборигенов европейским империализмом воспринималось частностью эволюционных процессов национального государства. Это было не что иное, как инструмент воспарения над собственной национальной локальностью, как механизм перестроения этой локальности в универсальность. Подчеркивая эту особенность империалистической воли, Н. Бердяев отмечал, что лишь она позволяет человечеству жить общечеловеческой повесткой, общемировым порядком, связать все многообразие культур в одну могучую культуру [8, с. 112].

В различных европейских формах общечеловеческой культуры империалистическое сознание вскоре начинает играть роль инструмента универсализации, в то время как язык метрополии превращается в язык политики, науки и образования. В этих условиях, обучая своему языку коренных жителей, колонизатор преподносил «бесценный подарок, волшебный ключ, открывающий все двери культуры метрополии и мировой цивилизации» [9, с. 31]. Такое упрочнение «естественного» культурного превосходства все глубже проникало в империалистическое сознание, превращая колонизаторов и аборигенов в составные части одного целого империалистического сознания, объединившего многие культуры и языки империи на основе одной культуры и одного языка метрополии.

Высшее образование эпохи империалистического расцвета существенно изменилось. С одной стороны, университеты не были ключевыми проводниками колониальной политики, поскольку с этой задачей справлялись «неправительственные, коммерческие и религиозные организации» в колониях [10, с. 126]. С другой стороны, университеты метрополии выступили центрами формирования национального образования, которое в свою очередь через экспансионистскую политику становилось интернациональным. Целью формирования университетов в эту эпоху были «государственные интересы по организации общевоспитательной подготовки и распространению общей культуры» [11, с. 41]. Это имперские центры, замкнутые на внутреннюю повестку, интернациональные исключительно внутри своего империалистического контекста. Таков был итог окончательной национализации высшего образования – университеты перешли из-под контроля религиозной иерархии в руки государственной бюрократии.

Первая мировая война внесла существенные коррективы в глобальную империалистическую повестку. В колониальных разломах постепенно начали институционализироваться международные академические связи. В 1919 г. в США создается американский Институт международного образования, который стал долговременным инструментом развития образовательных связей между США и остальным миром. Особенно активно институт начал развивать обмены с Германией, где в 1922–1923 гг. создается DAAD – Германская служба академических обменов.

Эти новые формы международного академического взаимодействия не имели быстрого развития в межвоенный период, что было связано как с миграционным кризисом, так и реакцией европейских держав на ослабление колониальной системы мира. Можно сказать, что межвоенный период – это в некотором роде реванш империализма, который происходил не только в условиях Германии, но и других странах, включая Советскую Россию, которая в сталинские времена предстала «почти имперской мечтой, сосредоточенной на овладении географическим пространством и окружающей средой, на цивилизующей миссии в отношении отсталых жителей Советского Союза» [12, с. 42]. Что действительно изменилось после Первой мировой войны, так это само восприятие колониализма, который из интуитивно понятного превратился в научно обоснованный [13, с. 103].

В условиях империалистической реакции исключительным примером стала нацистская Германия. Как замечает Х. Арндт, «расизм был изобретен в Южной Африке, а бюрократия – в Алжире, Египте и Индии; первый был почти бессознательной реакцией на племена, чьей принадлежности к человеческому роду европейский человек стыдился и боялся, в то время как вторая была следствием той формы администрации, с помощью которой европейцы пытались править чужими народами, считавшимися ими безнадежно отставшими и в то же время нуждавшимися в их особом покровительстве» [5, с. 289]. На государственном уровне именно нацистская Германия соединила нацистскую идеологию и государственную бюрократию, обеспечив создание образцового тоталитаризма.

Соединение бюрократии с идеологией проявлялось и в других странах того времени, что привело к полному переосмыслению сущности высшего образования. Университеты глубже встраивались в систему государственного управления политической и социальной жизнью в стране. Одним из последствий такого развития событий стало уменьшение и так небольшого числа международных взаимодействий в академической сфере. Теперь университеты не только восполняли бюрократические кадры, но и обеспечивали слияние воедино ранее разрозненных бюрократических систем науки, культуры, промышленности, сельского хозяйства, армии и т. д. Соответственно, они встраивались в циклы политических чисток и плановых показателей, подчиняясь всем тем бюрократическим требованиям, которые из автономной организации создавали полнокровное государственное ведомство.

В это время сложно говорить о международном академическом сотрудничестве, скорее имела место идеологическая гомогенизация, в ходе которой несогласные преподаватели и ученые (когда это им удавалось) иммигрировали из одной страны в другую. Можно сказать, что в межвоенный период мировой империализм достиг своего апогея. Поскольку идеология начала отрываться от своего бюрократического начала, она все быстрее превращалась в самостоятельное вещество интеллектуальной жизни общества, денационализирующее метрополию посредством редукции партикулярных контекстов.

Завершение Второй мировой войны и установление биполярной системы мира оторвали идеологию от ее бюрократической основы, возвысив до самоценности. Одновременно ускорился распад колониальной системы мира, в рамках которого капиталистические страны присоединялись к политике американского глобализма, а социалистические – советского интернационализма. Если глобализм предлагал новые условия для усовершенствования отживших колониальных связей, то интернационализм скреплял воедино социалистический лагерь. Указанные форматы трудно назвать революционными, скорее это был новый этап развития империалистической повестки, где глобализация виделась все тем же Гегелевским «улучшением мира» [14], а интернационализм свелся к понятию «интернациональный долг», сущность которого заключалась в социалистической экспансии.

В послевоенный период мировой уровень международного академического взаимодействия резко повышается, но устанавливаемые связи носят выраженный идеологический характер, представляя собой проекцию влияния США и СССР на своих сателлитов. В этой связи можно вспомнить развитие программы Фулбрайта в США и наращивание академического взаимодействия СССР со своими сателлитами при Н. Хрущеве, где образовательные и научные цели являлись менее приоритетными, чем идеология. Соответственно, международное сотрудничество влияло на развитие образовательной сферы и науки постольку, поскольку обеспечивало могущество идеологии как воплощенной проекции силы.

Соединение влияния и идеологии, как в СССР, так и в США, обернулось девальвацией значения последней. Каждая из сторон стремилась заверить своих сателлитов, что именно она оперирует знанием, в то время как оппоненты – идеологией [15, с. 7]. В этой связи важно отметить любопытную симметричность между окончательным развалом колониальной системы мира и упадком идеологии. С замедлением географической экспансии исчезла надобность в инструменте, который прежде объяснял эту экспансию, легитимируя роли субъекта и объекта ее реализации в дихотомии обладания и подчинения.

Разрушение биполярной системы мира в конце 1980-х гг. ознаменовало окончательное завершение тех геополитических процессов, которые были начаты еще в XIX в. За прошедшее время европейские государства из геополитических гигантов превратились в малые государства, испытывавшие опыт утраты независимости. Разрушение прежних национальных универсумов способствовало объединению Европы и, соответственно, популярности развития приграничного сотрудничества и добрососедства. Во многом именно эта смена вектора привела к появлению интернационализации высшего образования, как она понимается в настоящий момент [16]. Общеввропейская интеграция, очевидно, стала ответом на утрату колоний и мирового лидерства. В свою очередь именно интеграционные процессы обеспечили энергичную институализацию международного сотрудничества в сфере высшего образования, которая впоследствии была названа интернационализацией.

Теория интернационализации в современных условиях. Изменение глобальной повестки потребовало нового видения форматов и форм международного академического взаимодействия. Эта интенция отчетливо прослеживается с последнего десятилетия XX в., когда старые дихотомии, в том числе субъект-объектные отношения, были окончательно девальвированы. Определяя в 1998 г. исходный пункт начала международного взаимодействия в сфере высшего образования, У. Бек [17] исходил, с одной стороны, из посылки, что большая часть эксклюзивных технологий, ноу-хау и т. д. находится в распоряжении ограниченного количества наиболее развитых стран (бывших метрополий), с другой – отмечал необходимость развитых университетов предлагать такое образование, которое бы было востребовано в любых языковых и социальных контекстах. С точки зрения представленной схемы бывшие колонии в поисках технологий и ноу-хау обращаются к лидерам образовательного рынка, в то время как эти лидеры обращаются к своим бывшим сателлитам, чтобы научиться работать в локальной среде, то есть на своеобразных, но динамичных рынках развивающихся стран.

Основываясь на воззрениях У. Бека, Й. Штер концептуально объяснил механику интернационализации высшего образования, создав типологию его обоснований. Й. Штер также считал, что интернационализация высшего образования во многом связана с процессами модернизации. Со-

ответственно, менее развитые страны стремятся установить академическое взаимодействие с более развитыми. Такое сотрудничество уже объявляется вне пространства субъект-объектной дихотомии, а базовой целью становится формирование более демократичного и справедливого мира [18, с. 88].

Можно сказать, что империалистическая повестка в конце XX в. видоизменялась в пространстве воспитательной функции. Й. Штер отмечает, что за счет глобализации и через культурный обмен развитые страны делятся своими технологиями с развивающимися, взамен последние позволяют работать на своих рынках и приобретать соответствующий опыт [18, с. 92]. И в первом, и во втором варианте международное академическое сотрудничество понимается как инструмент воспитания бедных стран. В некотором роде это тот же империалистический пафос, но уже с учетом необходимости сохранения культурного и языкового многообразия мира.

Наряду с переосмыслением воспитательной составляющей международного академического взаимодействия в контексте мультикультурализма происходила и деконструкция экономической основы международных академических связей. Критикуя в том числе колониальные подходы к интернационализации высшего образования, Х. де Вит и Дж. Найт выделили ряд мифов и заблуждений относительно ее механизмов, целей и задач [19]. Генерализируя их наработки, приходится констатировать, что в целом критика была направлена на потребительское отношение к экономической составляющей международного академического взаимодействия или коммерциализации высшего образования в отрыве от совершенствования качества предоставляемых услуг.

В своих работах указанные авторы отмечали, что иностранные студенты не являются ни основным механизмом, ни самоцелью интернационализации. В конечном счете иностранные студенты – это один из элементов экономики современных университетов, лишь своим наличием мало влияющий на качество образовательных услуг. Фокусировка на международной репутации – также элемент маркетинговой стратегии университета, который функционирует в проблематике бренда, а не академического развития институции. В этом же ключе понимается и международная аккредитация как подтверждение востребованности образовательной услуги, однако мало влияющая на совершенствование ее качества. Международный маркетинг объявляется рыночной составляющей и потому выступает инструментом конкуренции скорее бренда, нежели знания. Особо отмечены программы на английском языке как попытка отдельных институций выйти на международные рынки высшего образования за счет редукции локальности в пользу предельной универсальности.

В отличие от описанных заблуждений в реальности интернационализация высшего образования реализуется на основе постепенного сближения стандартов, в рамках активности по совершенствованию качества образования. Х. де Вит отмечает: «Качество относится к интернационализации таким же образом, как интернационализация относится к совершенствованию качества высшего образования» [20, с. 153]. Иными словами, интернационализация представляется в первую очередь механизмом совершенствования качества, способом сближения или модификации национальных режимов функционирования высшего образования. В некотором роде интернационализация является интеграционным механизмом, реализующим свою функцию через процесс совершенствования качества обучения. В этой связи Дж. Найт отмечает, что именно «обеспечение качества высшего образования является приоритетной целью интернационализации, а не развитие международного экспорта» [21, с. 19].

Подводя итог рассмотрению теории интернационализации высшего образования Х. де Вита и Дж. Найт, можно сделать вывод, что эти ученые, разоблачая экономическую подоплёку международного академического взаимодействия, в действительности разоблачают переток капиталов в постимпериалистическом мире. Если раньше из колоний в метрополии экспортировались материальные ресурсы, то теперь – человеческие. При некоторых режимах организации высшего образования бывшие метрополии не только получают из бывших колоний наиболее талантливых представителей, но и обучают их за счет направляющей стороны. При таких условиях не приходится говорить о совершенствовании качества образования, а значит, и не возможна интернационализация.

Необходимо отметить и еще один важный аспект интернационализации высшего образования с точки зрения Х. де Вита и Дж. Найт. Это прямой интерес современного образования к локальным, языковым и социокультурным контекстам. Указанные авторы склонны объяснять такой интерес оппозицией интернационализации к глобализации, поскольку последняя направлена на максимальную унификацию. В этой связи интернационализацию высшего образования представляют попыткой национальных государств предложить новый формат для сотрудничества, более безопасный для их национальной природы, чем универсализирующая глобализация.

Действительно, в режиме языковой и культурной унификации знание отрывается от локального контекста, а деятельность университета перестает коррелировать или зависеть от социокультурной ситуации государства, на территории которого он функционирует. В этих условиях университетом предлагается чистое знание, лишённое важной составляющей его локального функционирования. Вместе с тем ноу-хау и эксклюзивные технологии редко становятся частью университетских образовательных программ или объектом международного обмена в рамках академического взаимодействия. Ценное знание – как новая технология, коммерческий секрет или инновационная рецептура – никогда не выступали целью интернационализации высшего образования, в лучшем случае являясь предметом межгосударственного договора. Что действительно доступно университетскому взаимодействию, так это знакомство с социальным и государственным устройством партнера, формирование представления о качестве функционирования и распределения знания в конкретном государстве.

Во многом именно перечисленные направления важно рассмотреть при осмыслении природы и механизмов реализации интернационализации высшего образования. Интерес к «чужому» в этих условиях начинает работать не на восполнение недостающего ноу-хау, а на реализацию интеграционной повестки, где ноу-хау – это сама работа образовательной институции [22]. В этом пространстве интернационализация окончательно разрывает связи с империализмом, поскольку интеграция принципиально отличается от инкорпорации или поглощения. Создаётся новая среда, унифицированная не в рамках единого языка, культуры или религии, но общего качества организации знания и, соответственно, государственного функционирования.

Интернационализация высшего образования, безусловно, направлена на создание некоей универсальной среды. Новое качество заключается в том, что эта среда не вторгается в массивы знания, ответственные за национальное существование, это не предмет обмена идеологиями и не пространство конкуренции между ними. Интернационализация высшего образования представляется шадящим усовершенствованием, оставляющим нетронутыми язык, культуру, национальную память, то есть все то, что в обязательном порядке затрагивалось в эпоху империализма. В этих условиях не раскрываются технологические секреты и не обновляются национальные научные школы, происходит постепенная рецепция актуальных ценностей и подходов к обращению со знанием в различных национальных режимах. В условиях интеграционной повестки именно осведомленность о системах функционирования становится элементом универсализации, роль которого в предыдущие эпохи выполняла религия или идеология.

Выводы. Подводя итог изложенному выше, можно сделать ряд выводов.

Во-первых, поскольку национальная локальность метрополии являлась международной универсальностью ее колоний, подлинного международного взаимодействия в этих условиях не могло существовать. Разрушение империалистической системы мира создало предпосылки для зарождения нового типа международного академического взаимодействия и увеличения его интенсивности.

Во-вторых, интернационализация высшего образования стала новым явлением в академической жизни по той причине, что зародилась в условиях окончательного распада колониальной системы и завершения империалистической повестки. Теоретизация этих изменений началась с постепенной модификации империалистического аппарата и его критики, реализованной в отказе от субъект-объектной дихотомии в пользу интереса к локальным культурным и языковым контекстам.

В-третьих, интерес к локальным контекстам оторван от идеологических соответствий-несоответствий, в связи с чем реализуется в пространстве качества образования, условий функционирования и передачи знания. Эти условия становятся новым предметом международного обмена, действующим в интеграционном ключе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. De Wit, H. Internationalization of higher education, historical perspective / H. De Wit // *Encyclopedia of international higher education systems and institutions* / ed.: J. C. Shin, P. N. Teixeira. – Dordrecht, 2017. – P. 1–4. https://doi.org/10.1007/978-94-017-9553-1_222-1
2. Altbach, P. G. Comparative perspectives on higher education in the twenty-first century / P. G. Altbach // *Higher Education Policy*. – 2014. – № 11. – P. 347–356. [https://doi.org/10.1016/S0952-8733\(98\)00013-0](https://doi.org/10.1016/S0952-8733(98)00013-0)
3. Гегель, Г. В. Ф. Лекции по философии истории / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Наука, 1993. – 477 с.
4. Маркс, К. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс // *Собр. соч.* – 2-е изд. – М., 1955. – Т. 3. – С. 7–544.
5. Арндт, Х. Истоки тоталитаризма: пер. с англ. / Х. Арндт. – М.: ЦентрКом, 1996. – 672 с.
6. Hobson, J. *Imperialism: A study* [Electronic resource] / J. Hobson. – 1902. – Mode of access: <https://www.marxists.org/archive/hobson/1902/imperialism/index.htm>. – Date of access: 05.12.2019.
7. Stuchtey, B. Colonialism and imperialism, 1450–1950 [Electronic resource] / B. Stuchtey // *European History Online (EGO)*. – Mode of access: <http://www.ieg-ego.eu/stuchteyb-2010-en>. – Date of access: 05.12.2019.
8. Бердяев, Н. А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности / Н. А. Бердяев. – М.: Леман и Сахаров, 1918. – 240 с.
9. Ngugi, W. T. *Decolonizing the mind: the politics of language in African Literature* / W. T. Ngugi. – Oxford: James Currey Ltd., 2005. – 114 p.
10. Bash, L. Changing patterns of imperialism and education: the United Kingdom / L. Bash // *Rev. Esp. de Educación Comparada*. – 2018. – № 31. – P. 111–129. <https://doi.org/10.5944/reec.31.2018.21590>
11. Никифоров, С. М. Правовой статус университетов в Российской империи / С. М. Никифоров // *Правовая информатика*. – 2016. – № 3. – С. 41–47.
12. Фицпатрик, Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / Ш. Фицпатрик; [пер. с англ. Л. Ю. Пантина]. – 2-е изд. – М.: РОССПЭН: Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. – 335 с.
13. King, R. *Race, culture, and the intellectuals, 1940–1970* / R. King. – Washington: Woodrow Wilson Center Press, 2004. – 416 p.
14. Giddens, A. *The consequences of modernity* / A. Giddens. – Stanford: Stanford Univ. Press, 1990. – 186 p.
15. Van Dijk, T. A. Ideology and discourse: A multidisciplinary introduction [Electronic resource] / T. A. Van Dijk // *Discourse in Society*: website of Teun A. Van Dijk. – Mode of access: <http://www.discourses.org/UnpublishedArticles/Ideology%20and%20discourse.pdf>. – Date of access: 05.12.2019.
16. Смоляков, Д. А. О генезисе интернационализации высшего образования / Д. А. Смоляков // *Образование и наука*. – 2019. – Т. 21, № 8. – С. 9–28. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2019-8-9-28>
17. Beck, U. Vad innebär globaliseringen? Missuppfattningar och möjliga svar / U. Beckp. – Göteborg: Daidalos, 1998. – 211 p.
18. Stier, J. Taking a critical stance toward internationalization ideologies in higher education: idealism, instrumentalism and educationalism / J. Stier // *Globalisation, Societies a. Education*. – 2004. – Vol. 2, iss. 1. – P. 83–97. <https://doi.org/10.1080/1476772042000177069>
19. De Wit, H. Internationalization misconceptions / H. De Wit // *Intern. Higher Education*. – 2011. – № 64. – 6 p. <https://doi.org/10.6017/ihe.2011.64.8556>
20. De Wit, H. Internationalization of higher education in the United States of America and Europe: a historical, comparative, and conceptual analysis / H. De Wit. – Westport: Greenwood Press, 2002. – 270 p.
21. Khigh, J. Internationalization of higher education / J. Khigh // *Quality and internationalisation in higher education / Organisation for Economic Co-operation a. Development*. – Paris, 1999. – P. 13–28. <https://doi.org/10.1787/9789264173361-en>
22. Смоляков, Д. А. Философские основания интернационализации высшего образования / Д. А. Смоляков // *Вест. Нац. акад. наук Беларуси. Сер. гуманитар. наук*. – 2019. – Т. 64, № 2. – С. 135–144. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-2-135-144>

References

1. De Wit H. Internationalization of higher education, historical perspective. *Encyclopedia of international higher education systems and institutions*. Dordrecht, 2017, pp. 1–4. https://doi.org/10.1007/978-94-017-9553-1_222-1
2. Altbach P. G. Comparative perspectives on higher education in the twenty-first century. *Higher Education Policy*, 2014, no. 11, pp. 347–356. [https://doi.org/10.1016/S0952-8733\(98\)00013-0](https://doi.org/10.1016/S0952-8733(98)00013-0)
3. Hegel G. W. F. *The philosophy of history*. Moscow, Nauka Publ., 1993 p. 477 p. (in Russian).
4. Marx K., Engels F. German ideology. *Collected Works. Vol. 3*. 2nd ed. Moscow, 1955, pp. 7–544 (in Russian).
5. Arndt H. *The origins of totalitarianism*. New York, Harcourt, Brace & World, Inc. 1966. 526 p.
6. Hobson J. *Imperialism: A study*. 1902. Available at: <https://www.marxists.org/archive/hobson/1902/imperialism/index.htm> (accessed 05.12.2019).
7. Stuchtey B. Colonialism and imperialism, 1450–1950. *European History Online (EGO)*. Available at: <http://www.ieg-ego.eu/stuchteyb-2010-en> (accessed 05.12.2019).
8. Berdyayev N. A. *The fate of Russia. Responses on the psychology of war and nationality*. Moscow, Leman i Sakharov Publ., 1918. 240 p. (in Russian).

9. Ngugi W. T. *Decolonizing the mind: the politics of language in African literature*. Oxford, James Currey Ltd., 2005. 114 p.
10. Bash L. Changing patterns of imperialism and education: the United Kingdom. *Revista Española de Educación Comparada*, 2018, no. 31, pp. 111–129. <https://doi.org/10.5944/reec.31.2018.21590>
11. Nikiforov S. M. Legal status of universities in the Russian Empire. *Pravovaya informatika = Legal Informatics*, 2016, no. 3, pp. 41–47 (in Russian).
12. Fitzpatrick S. *Everyday Stalinism: ordinary life in extraordinary times: Soviet Russia in the 1930s*. New York, Oxford, Oxford University Press, 1999. 288 p.
13. King R. *Race, culture, and the intellectuals, 1940–1970*. Washington, Woodrow Wilson Center Press, 2004. 416 p.
14. Giddens A. *The consequences of modernity*. Stanford, Stanford University Press, 1990. 186 p.
15. Van Dijk T. A. Ideology and discourse: A multidisciplinary introduction. *Discourse in Society: website of Teun A. van Dijk*. Available at: <http://www.discourses.org/UnpublishedArticles/Ideology%20and%20discourse.pdf> (accessed 05.12.2019).
16. Smolyakov D. A. The genesis of higher education internationalisation. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*, 2019, vol. 21, no. 8, pp. 9–28 (in Russian). <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2019-8-9-28>
17. Beck U. *Vad innebär globaliseringen? Missuppfattningar och möjliga svar* [What does globalization mean? Misconceptions and possible answers]. Göteborg, Daidalos, 1998. 211 p. (in Swedish).
18. Stier J. Taking a critical stance toward internationalization ideologies in higher education: idealism, instrumentalism and educationalism. *Journal Globalisation, Societies and Education*, 2004, vol. 2, iss. 1, pp. 83–97. <https://doi.org/10.1080/1476772042000177069>
19. De Wit H. Internationalization misconceptions. *International Higher Education*, 2011, no. 64. <https://doi.org/10.6017/ihe.2011.64.8556>
20. De Wit H. *Internationalization of higher education in the United States of America and Europe: a historical, comparative, and conceptual analysis*. Westport, Greenwood Press, 2002. 270 p.
21. Khigh J. Internationalization of higher education. *Quality and internationalisation in higher education*. Paris, 1999, pp. 13–28. <https://doi.org/10.1787/9789264173361-en>
22. Smolyakov D. A. Philosophical grounds for internationalization of higher education. *Vesti Natsyonal'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2019, vol. 64, no. 2, pp. 135–144 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-2-135-144>

Информация об авторе

Смоляков Дмитрий Анатольевич – кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии, Национальная академия наук Беларуси (Сурганова 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: d.smaliakou@live.com

Information about the author

Dzmitry A. Smaliakou – Ph. D. (Philos.), Scientific Researcher. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: d.smaliakou@live.com